

ПУШКИН И КИТАЙ

I.

История европейской культуры знает пору острого и напряженного увлечения Китаем: это—XVII и особенно XVIII века. В эту эпоху впервые пересеклись столь далекие друг от друга—и прежде и позднее—пути развития двух цивилизаций—Запада и Дальнего Востока. Но как различен был для них результат этой первой встречи в области мысли и искусства, к которой западный мир и Китай долгие века шли совершенно обособленно и независимо друг от друга! Допустив к себе католических миссионеров,—этот авангард европейского империализма—и оставшись равнодушным к их вероисповеданию, Китай не надолго заинтересовался было занесенной ими европейской наукой, не без любопытства поучаясь у иезуитов,—этих «варваров Запада», как надменно называли в Китае всех пришельцев из западных стран, астрономии, математике, географии и медицине,¹ но вскоре ограничил сферу и их деятельность. Первая мирная попытка подчинить Китай европейскому культурному влиянию не удалась: из европейской премудрости Китай не усвоил почти ничего. Да и могли ли быть, в сущности, посредни-

¹ S. Gotô, Les premiers échanges de civilisation entre l'Extrême Orient et l'Occident. „Revue de Littérature Comparée“ 1928 № 3, p. 401—411.

ками в этом деле католические монахи, явившиеся в Китай не для того, чтобы проповедывать преимущества западной цивилизации XVII века, но суровую христианскую мораль Европы варварских времен? И, вместо ожидаемого сближения, сгущалась атмосфера недоверия и непонимания; дальнейшее отчуждение Китая от западного мира было неизбежно: ему сопутствовали надоедливые торговые домогательства европейских купцов и тревожившее китайских правителей быстрое расширение сибирских границ; его довершали завоевательные планы манчжурской династии Небесной империи, представители которой ради забавы могли брать у иезуитов уроки европейской философии, но в то же время простирали руку и на Тибет и на восточный Туркестан, словно для того, чтобы отгородиться от всего остального мира еще сильнее, чем Великою Каменной Стеною—непроходимыми пустынями и ордами кочевников...

Совсем иначе отнеслась Европа к открытой миссионерами китайской культуре. Уезжая в Китай, иезуиты предполагали, что они попадут в страну варваров язычников и сумеют доказать им свое европейское превосходство, но этого не случилось; по приезде туда они вскоре должны были признать силу ее древней цивилизации, изящество и совершенство ее искусства, тонкость и глубину ее философской мысли. Сделанные ими в различных разрезах сопоставления Китая с западным миром оказались во многом невыгодными для последнего. Их просветительная миссия поневоле поэтому пошла по обратному пути. Долгие годы их проповеди и культурной деятельности в Китае были бесплодны, но у себя на родине, своими писаниями они сильно способствовали пробуждению увлечения китайским искусством и философией; их объемистые *lettres édifiantes*¹ сделались одним из источников моды на все китайское, которая, больше чем на столетие, глубоко захватила в Европе все течения умственной жизни.

¹Часть этого многотомного труда была переведена и на русский язык: „Записки, надлежащие до истории наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев. Сочинено проповедниками веры христианской в Пекине“ М. 1786.

Разнообразные причины вызвали столь противоположные результаты этого «первого обмена» достижениями двух далеких друг от друга цивилизаций. Для европейского запада XVIII век был веком цветения торговой и промышленной деятельности. Старая Европа становилась слишком тесным рынком; на очереди стояло разрешение колониальной проблемы. В далекие страны востока—Индию и Китай уже издавна влеклись торговые надежды; так и теперь, ради китайских товаров и завоевания нового рынка сбыта в течение двух столетий не прекращались поиски кратчайших путей в Китай из Европы. В Европе были уверены, что Китай станет охотно сбывать свои богатства и драгоценности на продукты европейского производства. Между тем, Китай равнодушно отказывал в своем покровительстве купцам всех наций, европейцы истощали все средства для того, чтобы утвердить свои фактории на китайской земле и наперебой оспаривали друг у друга те незначительные преимущества, какие были им дарованы в результате хлопот, унижений и просьб. XVIII век в истории сношений Китая с Европой,—это история непрерывных поражений европейской дипломатии и торговых притязаний европейских капиталистов. Ворота Небесной империи оставались наглухо закрытыми для европейцев до 1840 г., когда они открыли их, наконец, вооруженной силой. Таков фон, на котором, благодаря исследованиям последних лет, все ярче вырисовывается своеобразнейшая страница европейской культурной истории: картина эстетического увлечения Китаем в Европе в XVIII веке.

II

Книги Кордые, Белевич-Станкевич, Рейхвейна и др.¹ достаточно полно раскрывают нам эту картину во всем ее

¹ H. Cordier, *La Chine en France au XVIII s.* Paris, 1910. Belèvitch—Stankevitch, *Le goût chinois en France au temps de Louis XIV.* Paris, 1910; Adolf Reichwein, *China und Europa. Geistige und Künstlerische Beziehungen im 18 Jahrhundert.* Berlin, 1923.

многообразии и увлекательной сложности. Мы узнаем из них о распространении «китайского вкуса» в XVIII веке во Франции, Англии, Голландии и Германии и о тех заметных следах, какие оставил он почти во всех течениях европейской мысли и искусства. Для нашей цели нам необходимо остановиться только на некоторых, важнейших итогах этих исследований.

Предметы китайского искусства, завезенные в Европу на португальских и голландских кораблях, вызвали настоящий культ во Франции уже в XVII веке. С этих пор преимущественно приморские европейские страны стали наводнять фарфор—(производство которого в Китае как раз достигло своего расцвета)—лаковые работы, безделушки, шелковая и лаковая мебель. Увлечение «китайщиной»— проявило себя особенно ярко во Франции в эпоху господства стиля рококо, и родство этого стиля с искусством восточной Азии не подлежит никакому сомнению.

Наряду со страстью к собиранию отдельных китайских вещей возникает мода на целые «китайские комнаты», для которых Ватто и Буше пишут свои условно-китайские декоративные панно, с театрализованными ландшафтами и блеклыми красками; новая мода сказывается и в архитектуре: в парках и местах увеселений все чаще возводятся теперь китайские башенки, храмы и домики; им подражает и дворцовая архитектура, где изысканная линия тонет в обильной орнаментике и ассиметрия становится законом. Одновременно и китайский сад становится предметом восторга и подражания. Классической геометричности французского парка противопоставляют теперь «подражание природе во всех ее затейливых причудах»; своеобразное садовое искусство китайцев видят в их умении замыкать на небольшом пространстве бесчисленное разнообразие сельских видов. мы видим здесь долины ущелья, водоемы и озера, то встречаются поля, огороды и лужайки; маленькие беседки у прудов, где плавают лебеди, а в перспективе на фоне огородов, окруженных плетнями и зелеными лугов дома небольшой деревеньки, отделанные чисто и просто, соломой, тростником и бамбуковыми листьями. В настоящей сфере

рококо,—великосветском салоне, переполненном китайскими шелками и безделушками, все чаще пытаются воссоздавать Китай в пестроте маскарадных празднеств или на подмостках домашнего театра: обилие оперетт из китайской жизни, появившихся в ту эпоху,—далеко не случайно.

Одновременно и в литературе и в философии мысли проявляется то же увлечение. Китай «в представлении европейцев, становится в эту эпоху страной мечтаний и пленительной сказки, куда несутся помыслы и поэтические восторги; литература Европы полна картин «воображаемого Китая», страны идеально-декоративной жизни; его все чаще привлекают в качестве контраста к изображению современной действительности. «Китайские письма» маркиза д'Аржен (1741) и его английская аналогия «Гражданин мира» Гольдсмита (1762) по форме своей напоминают «Персидские письма» Монтескье; это сатирические картинки европейской жизни с точки зрения идеального китайского наблюдателя: это тоже своеобразное проявление духа рококо, его стремления к капризной игре сатирического ума, к форме скептического «эссе», которое ввел в моду Пьер Бейль—родоначальник стиля «рококо» в сфере философской мысли. Характерно, что в эту же эпоху Европа знакомится с философией старого мыслителя Лао-тцзы, мистическая философия которого говорит так много в атмосфере цветных шелков южного Китая, нежной игры фарфора, лаковых кабинетов и безделушек.¹ Китай не перестал привлекать к себе сильное внимание французского общества, когда на смену капризной причуде мысли пришла эпоха конструктивного мышления растущей буржуазии. Скептицизм сменялся материализмом; началась эпоха просвещения. Но Китай не потерял своего интереса ни для философов, ни для художников новой эпохи. Вместо Лао-тцзы Конфуций сделался героем; его призвала в советники материалистическая философия и искала в нем точки опоры. Вольтер в ряде своих сочинений восторгается

¹ Adolf Reichwein, China und Europa, S. 85 и сл.

красотами китайской морали и прославляет китайский институт мандарината, столь подходивший к его теориям просвещенного абсолютизма. И характерно, что китайский сюжет нередко служит ему для целей острой философской полемики. Драма Вольтера «Китайский сирота», как известно, направлена против главного тезиса Руссо о том, что искусство и наука развращают нравы: Вольтер заставляет в ней одержать победу китайской цивилизации над воинственной дикостью Чингис-хана. Тогда, как лирические оперетты на китайские сюжеты в эпоху рококо не преследовали никаких философских задач, мы находим здесь определенную философскую целеустремленность. По словам Вольтера, его «Китайский сирота»—«мораль Конфуция, развернутая в 5 актов». Наиболее полно Вольтер высказался о Китае в «Опыте о нравах», в «Философском словаре», в «Бумагах Жана Неслье», наконец, в статье об «Изгнании иезуитов»; всюду здесь сквозит самый восторженный, панегирический тон. Бросая упрек Боссюэту в том, что последний в своем «Discours sur l'histoire Universelle» ни словом не обмолвился о Востоке, Вольтер замечает, что если философ хочет говорить о событиях земного шара, он должен сначала бросить взоры на восток—«колыбель всех искусств, которой всецело обязан Запад». Вот почему и его «Опыт о нравах» открывается длинной главой о Китае. Именно этот опыт ознаменовал собою целую серию восторженных отзывов о Китае. «Энциклопедия» заимствовала у Вольтера его характеристику китайской философии; очень сочувственные строки посвятил ей и Гельвеций («Об уме»). В книге Пуавра «Путешествие философа» 1769 г. говорится: «Китай представляет увлекательную картину того, что могло бы быть из целого земного шара, если бы законы этой страны были бы законами всех государств. Идите в Пекин! Удивляйтесь самым могущественным из смертных, т. к. это—правдивая и совершенная картина неба». Многие думали тогда, что спасение Франции—в проникновении в «дух Китая; еще Grimm («Correspondance Littéraire», ноябрь 1785) смеется над этой «китаеманией» французских мыслителей своего времени.

Физиократы также опирались на воображаемые картины «идеальных государств»¹—страны инков и, особенно, Китая, которые они противопоставляли тяжело больному народно-хозяйственному организму Франции: их идеализация аграрного капитализма и учение о том, что земледелие является единственным источником богатства, а также их защита «легального деспотизма» в равной мере основаны были на китайских источниках. Основатель школы физиократов Кенэ в своем трактате о «Деспотизме в Китае» (1767) недаром заслужил кличку «Конфуция Европы»; о его главных принципах—установлении и применении конфуцианских принципов, писали его ученик маркиз Мирабо и Монтоуэн. Это поголовное увлечение Китаем во Франции дожило до революции;¹ последние отзвуки его слышатся еще во французском романтизме.² Философы и экономисты, поэты и художники отдали ему свою дань.

III

Многочисленные и крепкие нити связывают творчество Пушкина с французской литературой и искусством XVIII ве-

¹ См. F. Farjanel, Voltaire et les chinois. „Revue Hebdomadaire“ 1910 6. Ang., p. 114 59. Pierre Martino, L'Orient dans la littérature française au XVII et XVIII s. Paris 1906. F. Brunetière, Etudes critiques, 8-me série, Paris, 1907 („L'Orient dans la litt. française“, p. 183—207); Pierre Jourda, L'exotisme dans la litt. française depuis le romantisme. „Revue des Cours et Conférences“ 1936 № 9 и сл.; W. L. Schwartz, The imaginative interpretation of the far East in modern French Literature, 1800—1925. Paris 1927 p. 4 59. То же увлечение „китайщиной“ в XVIII веке мы находим и в других европейских литературах:—немецкой, английской, итальянской. Метафизно пишет оперу „Китайский герой“; в Германии тот же сюжет обработан в драме Фридриха „Китаец или справедливость судьбы“ (1774) и у Виданда в „Золотом зеркале“. Шиллер переделывает из Гоцци свою „Принцессу Турандот“, Гете в 1781 г. создает своего „Эльпенора“, основанного, как замечают исследователи, на замечательном проникновении в самый дух китайской словесности, известной ему лишь по несовершенным немецким переводам (см. W. v. Biedermann, Goethe und das Schrifttum Chinas, Zeitsch. f. Vergleich. Litt., Bd. VII, 1894, S. 383—401; Ursula Aurich, China im Spiegel der Deutschen Literatur des XVIII Jahrh., „Germanische Studien“, Heft 169).

ка. Можно считать прочно установленными, что в детстве и юности он впитал в себя все наиболее значительное из того, что создала французская поэзия этой поры. Естественен вопрос,—мог ли он пройти мимо той «китаемании», которою так сильно захвачены были многие из властителей его дум? Достаточно вспомнить здесь хотя бы Вольтера. О возможности отзвуков у Пушкина «Китайского сироты», мы скажем несколько позднее, сейчас же подчеркнем, что впечатления от этого офранцузенного Китая должны были, несомненно, усилиться у Пушкина в обстановке китайщины «Царского села» в эпоху его лицейской жизни.

Русская китайщина екатерининских времен была сколком с французской. У нас, как и в Европе, собирали фарфор, фаянсовую посуду и лаковые безделушки, позднее отделявали дворцовые комнаты в китайском стиле, увлекались садовым искусством. «Китайский дворец» в Ораниенбауме (1762—68, арх. Ринальди) особенно же китайские постройки Царского села являются показательными образцами этого условного, офранцузенного Китая.¹ Екатерина II подавала пример этому увлечению. В письмах к Вольтеру и Гримму она часто говорит о Китае; еще интереснее в этом отношении ее переписка с принцем де-Линем, этим блестящим и типичнейшим представителем «ancien régime»: то, с тонкой иронией, она рассуждает с ним о красотах китайского языка, то сообщает выписку из пекинской газеты о «китайском императоре», «моем милым и церемонном соседе с маленькими глазами», сочиняет забавный стишок:

• Le roi de la Chi—i—i—i—ne
Quand il a bien bu—u—u—u—u
Fait une plaisante mi—i—i—ne

¹ А. С. Дахнович, Путеводитель по Ораниенбауму, Лгр. 1930; А. Иконников, «Китайский театр и „китайщина“ в Детском селе, Лгр. 1931, стр. 15; В. В. Эзра, Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе, М. 1929.

(Китайский император,
Когда он хорошо выпил,
Строит забавную гримасу...)

то, наконец, делится со своим собеседником китайским афоризмом, нужно сказать совершенно уайльдовского стиля: «лучшее средство избежать искушения—это поддаться ему»;¹ В «сказке о Февее», как известно, рассказывается о том, что у какого-то сибирского народа на Иртыше был царь китайского происхождения, по имени Тао-ау, а супруга его ездила на золоторогих оленях, на которых красовались горностаевые хомуты с яхонтовыми пряжками. Ловкий авантюрист Леклерк знал, чем понравится императрице, написав для наследника, будущего имп. Павла «китайскую повесть»—*Xu le grand et Confucius. Histoire chinoise* 1769. И словно в подражание императрице, в русской журналистике екатерининской поры развернулась целая серия переводных и оригинальных статей о Китае².

Объем и размах русского увлечения Китаем был тогда весьма значителен. В то время как Радищев в Сибири со-

¹ Сборн. русск. истор. общ. т. XVII, 188—463; т. XIII, стр. 349—350, 125.

² Сумароков еще в 1759 году с немецкого переводит „Монолог из китайской трагедии, называемой Сирота“ („Трудолюбивая пчела“ 1759, сент. стр. 570), в „Пустомеле“ сотрудничает близкий к Новикову один из первых русских синологов А. Леонтьев, автор „Завещания Юнджена, Китайского хана“ и помещенного в „Трутне“ перевода с китайского: „Чензыя китайского философа совет“. Журналы второй половины XVIII века полны известий „о торговле европейцев в Китае“, характеристиками китайского купечества, описанием фарфоровых фабрик и шелковых заводов; в Ярославских „Жемесячных сочинениях“ печатают „выписку из китайской книги, называемой примеры добродетели для потомков, хранящейся в приказе правоисправителей в Пекине“. Вас. Григ. Рубан двумя изданиями выпускает, посвященную Петру Дм. Еропкину, книгу „Китайский мудрец или наука жить благополучно в обществе“ (2-е изд. СПб. 1777), к которой прилагает дополнение из „l'esprit de Rousseau“—„для сходства Асийских рассуждений с европейскими“. Вас. Нечаев стихами переводит „Китайского сироту“ Вольтера (СПб. 1788, 1795), а некто Т. Геннинг издает в переводе с французского „Тшуанг—Тзе и Тиена, или от-

чинял «Письмо о торге китайском», Державин переложил в стихи воинственные слова императрицы.

Доступим мира мы средины,
С Гангеса злато соберем,
Гордыню усмирим Китая,
Как кедр наш корень утверждая..
(Ак. изд. 1,430).

Мог ли Пушкин не знать, посвященной Китаю, русской литературы XVIII века? Могли ли ему не попасть на глаза, хотя бы некоторые из только что перечисленных книг? Но Кантемир, который упоминает «странный китайский ум», Радищев, Державин—во всяком случае были ему хорошо известны. Отдельные китайские образы, хотя бы державинских стихов, могли запасть ему в памяти, оставить в ней некоторый след. Однако, заметил ли тогда Пушкин своеобразную и глухую борьбу с западной традицией, которая намечалась в течениях русской литературной ориенталистики

крытая неверность, повесть китайскую“ (СПб. 1785). Подражая Монтескье и Голдсмиту, Сушкова помещает в „Собеседнике любителей Российского слова“ (ч. V, 1783)—„Письмо-китайца к татарскому мурзе, живущему по делам своим в Петербурге“, Дубровский переводит из Вольтера „О славе. Разговор с китайцем“ („Ежемес. соч.“ IV т. 1756), и его воспроизводит вновь в „Прохладных часах“ 1793, II. В „Опыте трудов Вольтера Росс. Собрания при И. Моск. Унив-те“ ч. VI, 1783 помещено „Осведомление или некоторое поведение Вольтеровых о Китае примечаний. собранное в краткую Братищева бытность в Пекине“—„Подлинно-ли, что китайцы 4000 лет в законе своем, правах, обычаях, в языке и одеждах без перемены состоят? Правда-ли, что астрономия у китайцев за 2155 до Р. Хр. состояла, — действительно ли, что прежде Конфуциуса от некоторого Лаукума заведен был у китайцев сект суеверия, и что оной отвергнут за 5000 лет до Р. Хр.“—таковы вопросы, которые занимали русских читателей. Несколько приведенных здесь указаний далеко не исчерпывают вопроса—в „библиографии Азии“ В. И. Межова (т. I, СПб, 1891) и „Указателе к русским современным изданиям и сборникам 1703—1802 г.“ А. Н. Неустрова, СПб. 1898, стр. 291—292 можно найти необходимые дополнения.

уже в XVIII веке,—эти «поверения Вольтеровых о Китае примечаний», собранные на месте, эти утверждения Радищева о преимуществах торговли России с Китаем перед ее западными соседями, эти признания российских меценатов и собирателей, что Европа не может обладать такими сокровищами китайского искусства, как Россия, благодаря территориальной близости обоих государств? Едва ли, «Китайщина» на русской почве должна была иметь отличные от французской китайщины черты; ведь русско-китайская торговля через Сибирь тогда во много раз превосходила кантонскую торговлю англичан, португальцев и французов, а первые русские переводчики с китайского языка появились у нас едва не раньше, чем во Франции и Англии. Но Пушкин—юноша, знал прежде всего французский Восток, французский Китай. В царскосельских парках его встречал Китай, взрощенный Екатериной. Имевшаяся в библиотеке Пушкина «История села Царского» Ильи Яковкина рассказывает, что китайский Дом и театр (арх. В. И. Неелова) начат постройкой в 1777¹ г., а в 1784—88 по плану Камерона выросла здесь целая «китайская деревенька», все 19 домов, которой повелено было «выштукатурить, выкрасить альфреско различными цветами, по вкусу китайскому, к чему подряжен лучший такого художества мастер—Рудольф». Вокруг деревни раскинулись столько раз воспетые Пушкиным аллеи, лужайки и озера китайского парка... «Как китайский климат весьма жарок, то употребляют они много воды в садах своих,—объясняет нам Чемберс в книге «О садах китайских» (русск. перевод 1772 г.)—повсюду мы зрим обширные озера, реки и каналы. Берега из озер их так расцвечены, подражая в том природе, то песчаны, то круты и каменисты. Берега обыкновенно обсажены деревьями и составляют ветвями покрытые аллеи, под которыми проходят лодки... В прохладной тени здесь плавают лебеди... Оные аллеи обыкновенно ведут к некоторому весьма знатному

¹ История села Царского, СПб. 1831, стр. 238—239, 285—287.

Иакинф Бичурин
С акварели декабриста Николая Бесгуева
(Троицкосавский музей).

предмету, а именно, к какому-нибудь строению, к построенной посреди озера беседке, к каскаде и гроту». Не в «безмолвии» ли этих садов, «весной, при кликах лебединых» явилась муза Пушкину—юноше?.. Не по этим ли садам ходил он с книжкой Вольтера в руках? К 20-м гг. эти затейные сады заросли и запустели; еще Державин в стих. «Развалины» (1797) воспел китайский уголок Царского села:

Здесь был театр, а тут—качели,
Тут—азиатских домик нег...

Но от них все еще веяло живым и свежим ароматом XVIII века. В литографиях В. Лангера (1820), учившегося в лицее вместе с Пушкиным, мы видим еще крепкими и яркими эти беседки и домики, каскады, серебряные пруды и китайские павильоны.¹ «Не отсюда ли, не из этих ли садов, так много говоривших сердцу впечатлительного юноши, идут те величавые образы, которые так бесконечно разнообразны в его поэзии?»—спрашивает И. Анненский, не без основания полагая, что великолепие царскосельских дворцов и садов отразилось на соответствующих картинах «Руслана и Людмилы».² Во II-ой песне, описывая сад волшебника, Пушкин говорит, что здесь:

С прохладой вьется ветер майский
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей.

Случаен ли этот «китайский соловей»?—не ведет ли он нас к «китайщине» Царского села? Другие случайные намеки в ранних стихотворениях Пушкина могут убедить нас в том, что какие-то следы «китайщины» остались у него в

¹ „Двенадцать видов Царского села“, 1820 воспроизведены в „Старых годах“ 1912, январь.

² И. Анненский, Пушкин и Царское село, СПб, 1899.

памяти от лицейского времени. В «Послании к Наталье» (1814 г.) читаем:

Ни владетель я Сераля,
Ни араб, ни турок я,
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя.

Речь здесь идет, вероятно, о театральных пьесах, в которых подвизалась Наталья, крепостная актриса домашнего царскосельского театра В. В. Толстого. Вспомним еще стихотворение «Надпись к беседке» (до 1817 г.), в котором, вероятно, идет речь о царскосельской «Нееловской беседке» (1775), возобновленной Гваренги¹—«восемь колонн розового мрамора, поддерживающих восьмигранную кровлю с загнутыми вверх «по китайски» углами».

IV

Ссылка на Юг привела Пушкина к непосредственному столкновению с ближним Востоком—Кавказ, Крым, потом Кишинев и Одесса дали резкий толчок возникновению его поэтического увлечения восточным миром. Турция, Аравия, магометанский мир памятниками своей поэзии и философско-поэтической литературы стали оказывать на него все более крепнувшее влияние. Это был уже не тот Восток, который существовал в представлении искусства XVIII в., «восток гаремов и величавых пятиактных трагедий при султанском дворе». Это был восток «Подражаний Корану», восток Саади Ширазского и подлинных воссозданий турецких песен. 20—30-е годы—знаменательный момент в истории русской ориенталистики. Недаром и увлечение Пушкина Восто-

¹ А. Иконников, *op. cit.*, стр. 38.

ком падает, именно, на эти годы. «Война России с народами мусульманского мира, греческое восстание, влияние Байрона, основание Азиатского Музея Академии Наук (1818), научная деятельность акад. Френа и преподавательская—наших ориенталистов А. Болдырева в Москве (1811—1836), Сенковского в Петербурге (1811), Ковалевского в Казани, сыграли в нашей литературе немаловажную роль». Дальний Восток как бы отошел на некоторое время на второй план; Грибоедов, Сенковский, Ознобишин ввели в моду арабов, персов и турков в русской поэзии. Проблема столкновения востока и запада остро стояла тогда в исканиях не одного только Пушкина...¹ Впечатления жизни только усилили у него остроту этой проблемы.

От одесских времен идет у Пушкина «тоска по чужбине», мечта о далеких странствованиях, принимавшие самые причудливые образы и очертания. Он сам не мог выбрать, куда направить свой путь; то он стремится в Италию, и чудятся ему итальянские пейзажи и перспектива парижских улиц, то хочется ему «взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь», то жаждет он «покинуть скучный берег» «неприятной стихии» и «среди полуденных зыбей под небом Африки моей вздыхать о сумрачной России». В кишиневской тетради есть отрывок, со страстной силой запечатлевший эту мечту о дальних краях. Пушкин хотел начать «вольный бег по вольному распутью моря».

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый,
Спокойной пристани давно-ли ты достиг?
Давно ли тишины вкусил отрадный миг?
И снова ты бежишь Европы обветшалою:
Ищи стихий других, земли жилец усталый...

--

¹ В. Эберман. Арабы и персы в русской поэзии. „Восток“ кн. III (1923), стр. 108—125; Н. Свирин, Пушкин и восток. „Звезда“ 1935 № 4.

Еще раньше в элегии «Погасло дневное светило» (1820) читаем:

„Лети, корабль, носи меня к пределам дальним
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей (Ак. изд. т. II, 201).

Отсюда огромный интерес Пушкина к рассказам бывалых людей, к этим «корсарам в отставке» и мореходцам одесского порта, где толпились корабли всех наций... И как знать, не увлекала ли уже тогда Пушкина мечта о Дальнем Востоке, куда он так стремился позднее? Ведь уже тогда Пушкин, вероятно, следил за впечатлениями своего лицейского товарища, Ф. Ф. Матюшкина, совершавшего полярную экспедицию с Врангелем в поисках северного пути в Китай,¹ того самого Матюшкина, которому в стих. «19 октября» (1825) посвящены эти теплые, интимно-лирические строки:

Сидишь-ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный,
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуношных морей...

В Кишиневе и Одессе Пушкин любил беседовать с человеком, который мог ему сообщить кое-что и о Китае. Это был Ф. Ф. Вигель. В 1805 году Вигель отправился с по-

¹ В книге Е. А. Engelhardt, *Russische Miscellen zur genaueren Kenntniss Russlands und seine Bewohner*, 4 тома 1828, 1830, 1832, напечатаны письма Ф. Матюшкина из этой экспедиции с очень ценными в этнографическом отношении сведениями о туземных жителях северных берегов Сибири и Дальнего Востока. Уже в альманахе „Немозина“ (1824, I, 172—176), столь хорошо известном Пушкину было помещено „Извлечение из письма к Е. А. Э...у [т. е. Энгельгардту, автору вышеуказанной книги и директору царскосельского лицея] Ф. М. [Матюшкина].“

сольством Головкина в Китай. Как известно, посольство это не достигло цели и не было допущено в Пекин; посол, вследствие многих совершенных им ошибок, был отправлен китайским ваном из Урги обратно в Россию, но тем не менее Вигелю, добравшемуся только до Кяхты, было что рассказать об этом путешествии, и он нередко вспоминал о нем в беседах с друзьями. Недаром в «Воспоминаниях» Вигеля этому эпизоду его юности посвящено свыше полутораста страниц второго тома!¹ Он рассказывает здесь о своих поездках в Маймачин—пограничный китайский городок против Кяхты—единственный, который ему удалось видеть, его грязные улицы, «о которых могут иметь понятие только те, кои зимой в дождливое время ездили по одесским улицам», его низенькие дома с нависшими крышами: «над крытым местом всегда возвышается деревянная башня, в два или три яруса, расцвеченная, с драконами, колокольчиками, какие вы видели на картинках или в садах. Это давало Маймачину красивый вид... На другом конце города пустили меня в китайскую божницу, посвященную богу брани; он находится в особом месте или приделе и, стоя, держит за узду бешеного коня... В главном же храме видел я колоссального Конфуция, богато разодетого, высоко на троне сидящего и массивную, пудов в двадцать, железную полированную лампаду, день и ночь перед ним горящую». Вигель описывает далее обед в Маймачине у богатого китайского торговца... Какой это ~~там~~ прекрасный материал для застольных бесед в одесском ресторане Оттона! Слышали ли эти рассказы Пушкин,—этого мы не знаем: любопытно, однако, что в 1829 году Пушкин просился в Китай именно так, как это сделал Вигель в 1805 году.

По странной случайности, в черновиках первой главы «Евгения Онегина», писанных в Одессе не позже июня 1823 г., мы находим след каких-то раздумий Пушкина о Китае. Кни-

¹ Записки Ф. Ф. Вигеля. ч. I, М. 1891, стр. 178—179, 182—183. Ср. В. Н. Баснин о посольстве в Китай графа Головкина, чтения в Общ. Древн. Росс. 1875 № 4, стр. 1—103.

гами Вольтера или рассказами Вигеля внушены эти загадочные строки?

В тетради № 2369 в левом углу 6-го листа, в черновиках 6-й строфы есть несколько зачеркнутых стихов, которые читаются так:

Мудрец Китая
[Зачеркнуто: Конфуций]
Нас учит юность уважать
[и]
[От заблуждений охранять(?)]
[Не торопиться осуждать]
[Она одна дает надежду]
[Надежду мож...]

Эти зачеркнутые стихи еще не обращали на себя внимания исследователей. Транскрипции их не дал Якушкин в описании тетради № 2369 (Р. Стар. 1884, 2-е изд., т. 42, июнь, стр. 555). В изданиях Пушкина П. А. Ефремова, П. Морозова (Лит. Фонда, Просвещ.), Поливанова, Венгерова и т. д. мы также не встречаем никаких указаний на них. Первый раз, сколько знаем, напечатал их М. Л. Гофман в своем издании «Евгения Онегина» (1919, стр. 260.), с выпуском одного стиха, труднее остальных поддающегося чтению и с неверным указанием, что настоящее место находится в «Набросках к 5 строфе I главы «Онегина» (следовало сказать: к 6-й).¹ Знал эти стихи также В. Брюсов, отметивший в своей статье «Пушкин—мастер (Мой Пушкин. М. 1929, стр. 270), что у Пушкина» есть отголосок и Дальнего Востока в отрывке «Мудрец Китая», однако, без всякого указания на то, где этот отрывок находится и напечатан ли он или нет. Попробуем вдуматься в него глубже. Несомнен-

¹ По странной случайности и интересующие нас строки не попали в издание М. Л. Гофманом „Пропущенные строфы „Евгения Онегина“ (Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV (1922)).

но, что VI строфа 1-й главы романа посвящена характеристике, полученного Онегиным, исторического образования.

Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты,
От Ромула до наших дней
Хранил он в памяти своей.

Сбоку против черновика указанных стихов и помещен, интересующий нас, отрывок. Какая связь между ними?

Несомненно, что 6-я строфа трудно далась поэту; каждый стих перечеркнут по нескольку раз. Как ни трудно восстановить логическую, ассоциативную последовательность работы творческой мысли Пушкина над этими брешьными, все же хочется прежде всего думать, что мысль о Китае возникла у него по связи с другими случайными образами из истории древнейших цивилизаций: вместо Ромула стояло первоначально, впоследствии зачеркнутое, имя Кира, а имя Конфуций, впоследствии переделанное на «мудрец Китая» написано рядом с недавшимися словами: (времен) хронологической пыли (за зачеркн.) но (за зачеркн.) дней минувших анекдоты, (времен минувших анекдоты)... В желании установить объем исторических познаний Онегина Пушкин словно колебался—дать ли ему поверхностное знание древней истории от греко-персидских или только от римских времен; не должен ли был, однако, Онегин знать и о древнейшей цивилизации мира? Любопытно было бы проследить, к какому источнику восходит это зачеркнутое упоминание Конфуция. Однако, мысль Пушкина недосказана: она оборвалась на полуслове и затем окончательно была выброшена из текста; нам так, вероятно, и не удастся узнать, как в сознании поэта связались воедино мысли о воспитании Онегина и мнения о воспитании китайского мудреца. Вспомнил ли он здесь восторженные отзывы о Конфуции Вольтера? Но в частых цитатах и ссылках Вольтера на Конфуция, напр., в «Опыте о нравах» в «Философском сло-

варе» и во всех других его сочинениях нет такого места, которое можно было бы поставить в параллель со стихами Пушкина. Знал ли Пушкин о Конфуции из других источников? Китайский философ часто упоминался и в русской печати. Все эти вопросы пока остаются для меня без ответа.

V

С каждым годом интерес к Китаю должен был у Пушкина возрастать. Содействие в этом оказывала ему и русская литература. В 1824 г. вышло трехтомное «Путешествие в Монголию и Китай» Егора Тимковского, приветливо встреченное печатью. Это издание Пушкин мог видеть еще в Одессе. С 1825 года немалое внимание Китаю, Манчжурии и соседним странам стал уделять «Московский Телеграф», еще ранее его «Сибирский Вестник» Григория Спасского, в 1825 году переименованный в «Азиатский Вестник». В апреле 1825 года из Михайловского Пушкин среди прочих книг неожиданно заказывает брату «Сибирский Вестник весь».¹ Он был прислан Пушкину и сохранился в составе его библиотеки за время с 1818—24 гг. с пропусками отдельных книг. В ближайшие за этим годы напряженные исторические занятия, ссылка декабристов в Сибирь, из которых иные, как В. К. Кюхельбекер, Ник. Бестужев попали в места непосредственно близкие к Монгольской и Китайской границам также не смогли не сыграть известной роли в деле

¹ Письма, ред. Б. Л. Модзалевского I, стр. 434. В „Сибирском Вестнике“ мы находим довольно много материалов о Китае; здесь есть в старинные русские путешествия в Китай, напр. Сибирского казака Ив. Петляна („Сиб. Вестн.“ 1818, ч. II) и „журнал“ Спафария (1823, ч. III); помещены китайские политические известия („Известие о кончине китайского богдыхана Цзя—Цина“ 1823, ч. I, „Сун, китайский министр и военачальник“, там-же), переводы сочинений европейских сиологов (напр., „Письма г. Ремюза о китайских ученых и о влиянии их на госуд. правление“, 1823, ч. II; письмо Ремюза об успехах китайской словесности в Европе, 1823 ч. III) и т., д.

непрерывного оживления интереса Пушкина к Дальнему Востоку.¹

В истории ознакомления Пушкина с Китаем первостепенную роль сыграл знаменитый Иакинф Бичурин. Знакомство и дружба с ним Пушкина начались около 1828 г. и с перерывами продолжались несколько лет. Бичурин (1797—1853) был, быть может, одной из наиболее своеобразных фигур тогдашнего Петербурга. Бывший ректором Иркутской, потом Тобольской духовной семинарии, монах с 1800 г., в качестве начальника 9-й пекинской православной Духовной Миссии, Бичурин прожил в Китае 14 лет (1807—1821), откуда вернулся в Петербург в январе 1822 г. с громадным сундуком редкостей и рукописей и замечательным знанием китайского языка. Однако, миссия была принята очень холодно и над ней вскоре последовал суд. Обстоятельства, его вызвавшие, представляются в общем еще достаточно темными. Биограф Бичурина Адоратский указывает, как на возможные причины суда—на заклад некоторых оброчных статей, на небрежное обращение с церковной утварью, на допущение открытия игорного дома в здании, принадлежащем миссии и отдававшемся в наем, но не решаешь признать справедливыми эти обвинения. «В миссии, — пишет он, — нет никаких документов по этому вопросу, кроме неясной заметки о. Исаяи (от 1866 г.), думавшего почему-то найти причину обвинения о. Иакинфа с братиею в отношениях миссии к посланнику Голобкину. При этом Исаяя цитирует Вигеля».² По другим данным, причиной обвинения

¹ Любопытно, что в библиотеке села Тригорского, которой Пушкин пользовался, оказалось довольно много русских книг о Китае; здесь, напр., были: „Букварь китайской“. Перевел А. Леонтиев СПб. 1779; „Житие Кун-Тсеэа или Конфуциуса, наиславнейшего философа кытайского, восстановителя древней учености; перевел Михаил Веревкин“ СПб 1790, „Дун-Юн, то-есть закон непреложный. Из преданий кытайского философа Кун-Дзы“ „Сы-шу-Геи, т. е. четыре книги с толкованиями“. СПб. 1780 и т. д. Каталог библиотеки села Тригорского см. у Б. Л. Модзалевского „Поездка в с. Тригорское“—„Пушкин и его современники“ вып. I, стр. 1—90 № № 273, 289, 293, 335, 336, 346.

² И. Н. А. Иакинф Бичурин. „Православный собеседник“ 1886, ч. II, стр. 78; „Русская старина“ 1888 № 9, стр. 302.

Иакинфа были слухи о безнравственной жизни его в Китае. Как бы там ни было, Синод лишил его священного сана и послал в заточение в Валаамский монастырь, где он, под строгой эпитимьей, должен был прожить пять лет (по 1826 г.). В судьбе его произошел резкий перелом только после того, как в нем принял участие чиновник мин. ин. дел, бар. П. Л. Шиллинг фон-Канштадт, дилетантски, но ревностно занимавшийся востоковедением.¹ В 1826 г. Шиллинг предложил Иакинфа Азиатскому департаменту в переводчики с китайского языка и сам похлопотал за него, где следовало. В результате Иакинф был вызван в Петербург, помещен на жительство в Александро-Невскую лавру и причислен к министерству иностранных дел. Вскоре он стал появляться в высшем свете Петербурга в своем оригинальном полу-монашеском костюме, со своей образцовой французской и английской речью² и незаурядными познаниями по истории Дальнего Востока. Его заметили здесь и оказали ему покровительство и поддержку; недаром его первая книга «Описание Тибета» посвящена кн. Зинаиде Волконской. В то же время он сделался желанным сотрудником многих журналов, «Московского Телеграфа», «Московского Вестника»³ и др. Пушкин не мог не обратить на него внимания. Они познакомились и между ними установились весьма дружественные отношения. Н. С. Моллер вспоминала о Бичурине со слов своей матери: «Высокая худощавая фигура отца Иакинфа с бледным, выразительным лицом, живыми, умными глазами, над которыми чернели густые брови, черными с проседью волосами и длинной седой бородой» привлекала к себе всеобщее любопытство. Чего только не го-

¹ См. о нем: Пушкин, письма, ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 291—292; «О изображениях китайских писмен и любопытных изданиях бар. Шиллинга».— «Азиатский вестник» 1825, IV; L. Ligeti, La collection mongole Schilling v. Cannstadt. в журнале „T'oung Pao“, vol. XXVII, № 2—3.

² Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 г. СПб. 1824, ч. II, стр. 229.

³ Н. К. Козмин. Очерки из истории русского романтизма Н.-Д. Пюлевой, СПб. 1903, стр. 52, 334.

ворили о нем: «Бедовый он был в свое время, в молодые годы, и в Китае не мало чего натворил. Надурит, бывало, что-нибудь, попадетя, а все не исправится, за историю в Китае пришлось поплатиться не мало—на покаянии, на Валааме высидел не один год, а все в прок не пошло все такой же остался. Да и что он за монах, сама видишь: не постится, в церковь не ходит, даже лба путем не перекрестит, а монашеское все—просто ненавидит. Зато ученый вышел из него известный. Смотри, каким он пользуется уважением в ученом мире; у всех известных литераторов принят как свой. С Пушкиным был знаком,¹ бывал у него; что анекдотов дедушка про него знает. Порасспроси-ка его, может быть и расскажет». Но вслед за этим простодушная внучка чисто-сердечно признается: «Как ни любила я бывать с ним, слушающая его рассказы не только о Китае, но и о Пушкине, Жуковском, Крылове и др., я оставаться с ним долго не могла. Мне становилось с ним скучно и хотелось уйти».¹

Интереснейшие страницы об Иакинфе оставил в своем латинском дневнике Николай Малиновский; по его словам этот светский монах, отправленный в Валаамский монастырь по жалобе митр. Серафима за мужеложство, был настоящим атеистом: «Он ставил Христа не выше Конфуция» и сомневался в бессмертии души.² Неистовый поклонник китайской культуры, он бранил Европу и Запад. Светские щеголи любили его болтовню, потому что он знал нескончаемое число скандальных историй и скабрзных анекдотов о китайских женщинах; любители искусств любили его суждения, а еще более его восточные редкости, которыми он заставил свой кабинет и любил удивлять к нему приходящих.³ Что беседа с ним могла быть занимательна, в этом убеждают нас современники; Ю. Венелин, будучи в Петербурге, посетил Иакинфа и писал Погдину: «Я рассыпался в вежливо-

¹ Н. С. Моллер, Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки. „Русск. Старина“ 1888; № 9, стр. 535.

² Prace Komisji do badan nad historia literatury i oswiaty t. I. Warsz. 1914, str. 144—145, 163—165, 175.

³ „Отеч. записки“ 1839, т. VII, стр. 33.

стях; он был очень доволен, вежлив, affable (приветлив) и приятен до чрезвычайности. Единственный в своем роде из всех петропольских ученых. Мы проговорили около 2-х часов о Монголии, Китае, Чунгарии». Вскоре и М. П. Погодин записал в своем дневнике: «К Иакинфу. Отыскал и приятных два часа».¹ Около того же времени сочинениями и личностью Иакинфа увлекся и В. Ф. Одоевский, получивший от него интерес к Китаю: след этого знакомства остался в незаконченной утопии Одоевского «4338 год. Петербургские письма» (отрывок напеч. в «Моск. Наблюдателе» 1835 г.), в которой изображена Россия 44 века в письмах китайца, путешествовавшего по России и переписывавшегося со своим другом в Пекине: многое навеяно здесь сочинениями Иакинфа;² у Сеньковского, всю жизнь с начала 20-х гг. интересовавшегося Китаем, сочинения Иакинфа оставили также не малый след; высмеивая увлечение Китаем, введенное у нас в моду Иакинфом, Сеньковский по своему обыкновению пародировал его в «Совершеннейшей из женщин».³ Полемика Иакинфа с Полевым по поводу его замечаний на «Историю русского народа» в «Молве» должна была привлечь внимание Пушкина, который интересовался этим трудом.⁴

Знакомство Пушкина с Иакинфом состоялось, повидимому, около 1828 года в тот период, когда начинался период его напряженной литературной деятельности и он входил в моду в Петербурге. По словам его биографа, он «бы-

¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. III, стр. 131—133; т. X, стр. 386. См. также биографию Иакинфа, написанную М. Погодиным в „Беседах в Обществе Люб. Росс. Словесности“ 1871, т. 3, стр. 62—68.

² П. Сакулин, Русская Икарія „Современник“ 1912 № 12, стр. 193—206. О рукописях Одоевского П. Н. Сакулин пишет в другом месте: „В переплете 22 есть ряд отдельных заметок о Китае, многое со слов известного синолога Иакинфа Бичурина. Одоевский был знаком не только с его сочинениями, но и с ним лично. В одной заметке... Одоевский высказывает мысль, что, получивши просвещение, Китай может обрушиться на Европу, и прибавляет, что эту мысль о китайской опасности разделяет и о. Иакинф“ (Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, м. 1913, т. I, ч. 2, стр. 184).

³ В. Каверин. Барон Брамбеус. Изр. 1929, стр. 201—203, 236.

⁴ „Моск. Телеграф“ 1834, ч. 55, стр. 128—165, 287—318. В русских

стро перерабатывал, заготовленные им в Пекине, переводы и писал новые сочинения, так что цензоры не успевали заканчивать одно произведение, как он им представлял следующее.¹ Мы не знаем подробностей их встреч и содержания их бесед, но можем догадаться, что они шли о дальнем Востоке: Иакинф дарил Пушкину свои книги и давал ему на прочтение свои рукописи.

В библиотеке Пушкина находилось «Описание Тибета о нынешнем его состоянии с картою дороги из Чен-Ду до Хлассы (sic). Перевод с китайского, СПб. 1829» (по опис. Модзалевского № 267), с надписью на чистом после переплета листке: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 26 дня 1828 г.». «Это была первая книга Бичурина (если не считать небольшой малозначущей брошюрки. «Ответы на вопросы о Китае» (СПб. 1827); она представляет собой перевод сочинения одного китайского чиновника, бывшего в Тибете в 1786 г.

В библиотеке Пушкина в настоящее время не находятся (но может быть находились?) книги, которые Иакинф выпустил вслед за «Описанием Тибета»: двухтомный труд «Записки о Монголии», вышедший в том же 1828 году, «Описания Чжунгарии и восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем его состоянии» (2 части СПб. 1829); нет здесь также ни «Описания Пекина» (СПб. 1829), ни «Исто-

—

журналах 30-х годов было немало статей о Китае, так или иначе навеянных Бичуриным или им редактированных; интересовались тогда и китайской литературой. О. М. Сомов писал М. А. Максимовичу 4 января 1832 г. „У меня есть целый китайский роман, переведенный с китайского; отрывок из него помещен в „Северных цветах“. Жду отпа Иакинфа Бичурина, чтобы роман сей пересмотреть вместе, проверить с ним (ибо у бар Шиллинга есть китайский и манчжурский списки одного) и тогда выпущу в свет вполне.“ (Русск. архив 1908, III, стр. 268). Отметим кстати, что в 20-х годах большую популярность приобрел другой „китайский роман“ — „Ю—Киао—Ли или Двоюродные сестры“, который на французский язык перевел Абель Ремюза, а на русский (в отрывках) Н. Рожалин в „Моск. Вестнике“ ч. III № 9, стр. 121—148; Н. П. Колюпанов, биография А. И. Кочелова, т. I, ч. II, стр. 328 прим. 28 и стр. 322 прим. 14.

¹ „Правосл. собеседник“ 1886, II, стр. 243

рии первых четырех ханов из дома Чингисова» (СПб. 1829). «Все это были капитальные произведения, возбудившие интерес не только у нас, но и за границей; переведенные частью на французский и немецкий языки, они вызвали обсуждения в ученых обществах, напр., азиатском в Париже и журнальную критику, особенно проф. Кларота; последний много раз давал отчеты в заседаниях азиатского общества по поводу выходивших в свет произведений Иакинфа»,—пишет Адоратский.

Но уже в том же 1829 г. Бичурин, как свидетельствует его собственноручная карандашная надпись («Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика»), подарил Пушкину свою седьмую по счету книгу: «Сан-Цзы-Цзинь и троесловие с литографированным китайским текстом» (СПб. 1829), (по описи Б. Л. Модзалевского № 347).

В конце февраля 1830 г. Иакинф уехал в экспедицию вместе с Шиллингом Ф. Канштадтом, снаряженный министерством ин. дел для обследования бурят и собрания сведений о торговле у северных и западных границ Китая; в своей автобиографической записке сам Бичурин пишет про себя о том, что года 1830 и 1831, а также 1835—1837 он провел в Монголии и Сибири «по возложенным от правительства на него поручениям».¹ В эти годы отношение Пушкина с Би-

¹ Ученые записки Акад. Наук 1855, т. III, стр. 670—671. Б. Л. Модзалевский, упоминая об этой поездке Иакинфа (Письма II. стр. 291—292) высказывает предположение, что он „мог соблазнять Пушкина на путешествие с собою“. это, действительно, очень вероятно. Во всяком случае, в „Литературной газете“ 1830 г. № 28 Пушкин, вероятно, прочел „Выписки из письма о. Иакинфа Бичурина к И. В. С...“ из Иркутска с описанием приезда упомянутой выше экспедиции Шиллинга, а в № 60 за тот же год статью за подписью Н. Б. „Кяхтинский пир. Письмо из восточно-азиатской России“, где, по видимому со слов Бичурина же, дано довольно длинное описание встречи китайских и монгольских властей по случаю отправляющейся в Пекин новой духовной миссии. Во время пребывания своего за Байкалом, Бичурин вошел в близкие сношения с декабристами (см. „Памяти декабристов“ Сборник материалов, изд. Ак. Наук, Лгр. 1926, т. III, стр. 8, 10). Н. Бестужев сделал его акварельный портрет, ныне хранящийся в Троицкосавске.

чуриным прерывались, но Пушкин, несомненно, продолжал внимательно следить за литературной деятельностью русского синолога и знал о нем от своих общих с ним знакомых и друзей.¹

В I главе «Истории Пугачевского бунта», рассказывая о мятеже яицких казаков и о предшествовавшем ему переселении калмыков в Китай, Пушкин писал между прочим: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком. С благодарностью помещаем сообщенный им отрывок из неизданной еще его книги о калмыках». Следует обширная выписка. Комментаторы «Истории Пугачевского бунта» (не исключая и Н. Фирсова) не объясняют нам, откуда взята эта длинная цитата. Это было «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени», по словам самого автора «сочинение, основанное на фактах, которые заимствованы из книг и рукописей русских и китайских»,² в 1835 г. удостоенное Академией Наук полной Демидовской премии. Книга Бичурина цензурована А. Крыловым и разрешена к печати 19 сент. 1834 г., вышла же она, вероятно, не ранее начала 1835 г.; «История Пугачевского бунта» появилась в свет около 28 декабря 1834 г.,³ т. е., повидимому, на несколько месяцев раньше. Таким образом, Пушкин мог читать эту книгу в рукописи или в корректурных листах,

¹ В библиотеке Пушкина, между прочим, находилась книга замечательного английского лингвиста, писателя и поэта Джорджа Борро „Таргум или стихотворные переводы с тридцати языков и наречий“ (на англ. яз., издана в Петербурге в 1835 г.), приехавшего в Петербург для изучения у Бичурина китайского языка. В этой книге, почти рядом с переводами Борро из Пушкина находится и несколько переводов его с китайского и маньчжурского („Moral Metaphors From the Chinese“, p. 19—20; „The Mountain—Chase. From the Mandchou“ p. 21—23)

² Ученые записки Ак. Наук III, стр. 670.

³ Н. Снявский и М. Цявловский, Пушкин в печати, М. 1914, стр. 133 .

данных ему автором.¹ Пушкин заинтересовался этим эпизодом о победе калмыков в Китай и, по словам П. Преображенского, «может быть даже преувеличил его значение», найдя нужным в примечании к своему труду поместить «относящееся сюда подробное сообщение ученого востоковеда, в общем мало имеющее отношение к главному предмету сочинения».² Объяснение этого можно видеть в том, что Пушкин действительно дорожил выпиской из неизданного еще сочинения, предоставленной ему автором, как и вообще дорожил теми сведениями, какие он получал от Иакинфа.

Вероятно, именно Иакинфу, ехавшему в 1830 г. с экспедицией Шиллинга в Кяхту Пушкин обязан был мыслью самому проситься в Китай.

VI

7-го января 1830 г. Пушкин писал Бенкендорфу: «Так как я еще не женат и не нахожусь на государственной службе, я бы хотел совершить путешествие либо во Францию, либо в Италию. Если это не будет мне разрешено, я просил бы о позволении посетить Китай с посольством, которое туда отправляется».³ Ответ Бенкендорфа с отказом на просьбу был получен Пушкиным через 10 дней—17 января. Бенкендорф писал, что «его величество император не удостоил согласиться на его просьбу о дозволении отправиться за границу, полагая, что это очень расстроит его денежные дела, и в то же время отвлечет его от занятий. Что же касается желанья Пушкина сопровождать наше посольство в

¹ Эта книга была и в библиотеке Пушкина. Следует, впрочем, отметить, что сочинение Иакинфа первоначально было напечатано в „Журнале Мин. Внутр. Дел“ 1833, ч. IX, № 5, 7 и 8; тем не менее, слова благодарности, обращенные Пушкиным к автору, не оставляют сомнений, что последний сам сообщил ему указанный отрывок.

² П. Преображенский, Пушкин в Самарских краях. „Бюллетень Общества“ Археологии, истории „Энографии при Самарском Гос. Университете“. 1925 № 3, стр. 18.

³ Письма, изд. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 71.

Китай, то оно теперь не может быть исполнено, так как все чиновники в него уже назначены и не могут быть переименованы без уведомления о том Пекинского двора».¹ Недели за две перед тем, одновременно с прошением, Пушкин написал «элегический отрывок», где он говорит, что готов бежать всюду.

Тут же вскоре написаны безнадежные стансы: «Брожу ли я вдоль улиц шумных»... Еще одна мечта Пушкина не исполнилась.

Этот известный эпизод биографии Пушкина обычно толкуют в том смысле, что замысел отъезда его в Китай был совершенно случаен. Отсюда—разнообразие вариантов задуманного им путешествия: Париж ли, Венеция ли, Китай,—Пушкину было все равно куда ехать, лишь бы вырваться из России; Китай был лишь последней соломинкой, за которую хватался утопающий поэт; недаром в прошении Бенкендорфу Китай стоит на последнем месте, после упоминания Франции и Италии, на отъезд куда Пушкин, видимо, и не надеялся получить разрешение... Думается, что это не совсем так. Замысел путешествия в Китай был серьезен и продуман. Зная о трудностях пути хотя бы от Ф. Вигеля, Пушкин не мог проситься туда очертя голову, не думая о последствиях или даже о количестве необходимого на это времени. В Китай с одесских времен неслись мечты поэта. Книжки и беседы с Иакинфом только подсказали внезапное решение. Если это было бы не так, то Пушкин мог бы вскоре позабыть о своей неудаче. А между тем пришел отказ от Бенкендорфа, ярко разгоревшийся было план потускнел и расплылся в новых впечатлениях жизни, и тем не менее Пушкин не перестал интересоваться Китаем.

¹ Переписка, Академич. изд. т II, стр. 110; В. Брюсов, Письма Пушкина и к Пушкину. М. 1903, стр. 51. Ср. в „Записной книжке“ Е. В. Пугача: „Пушкин просился за границу, его не пустили. Он собирался даже с бар. Шнйлингом в Сибирь на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намерение, но следы его остались в стихотворении: „Поедем, я готов“ („Русск. Архив“ 1899, II, стр. 351). Ср. также: М. Цявловский, Тоска по чужбине у Пушкина. „Гол. минувшего“ 1916, № 1, стр. 59.

Во второй половине мая 1830 г. Пушкин посетил имени Гончаровых «Полотняный Завод» около Калуги и пробыл тут до конца месяца.¹ У нас немного сведений о пребывании его здесь, но невольно обращает на себя внимание тот документ, который в 1900 г. видел в Музее Калужской Архивной Комиссии Ив. Щеглов—список книг, которыми пользовался Пушкин во время пребывания своего на полотняном заводе. «Как вы думаете, что стоит на первом месте?—спрашивает Щеглов.—Книги о Китае: Описание Китайской империи ч. I, Описание Китайской империи ч. II. И далее еще третья книга: «О градах китайских».—Положительно знаменательная черта,—прибавляет Щеглов,—очевидно Пушкин, семьдесят лет назад проникновенно интересовался и волновался теми вопросами, которыми интересуемся и волнуемся мы, грешные, только теперь. Как известно, почти одновременно с мечтой о женитьбе, Пушкин лелеял мечту о путешествии в Китай. И события, увы, показали, что осуществление второго мечтания на счет первого послужило бы к вящей славе нашего любезного отечества. Впрочем, Грибоедов недаром сказал: «Ах, если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко?» И вместо вещей книги о Китае, которая, почем знать, изменила бы ход современных событий, мы имеем гениальные сцены «Каменного гостя», напророчившие смерть их автору».² И. Щеглов не объясняет, что за книги читал Пушкин. Две части «Описания Китайской империи»,—это знаменитый сборник известий о Китае Дюгальда, из четырех томов которого только два первых были переведены на русский язык в 1774—77 гг., вторая часть этого труда именно в русском переводе сохранилась в личной библиотеке Пушкина (№ 139). Книги «О

¹ Н. О. Лернер, Труды и дни Пушкина, изд. 2-ое, стр. 213.

² Ив. Щеглов, Три дня в Калуге. „Новое время“ 1900, № 8830, от 26 сентября; перепечатано в его книге: „Подвижник слова“ СПб. 1909, стр. 36—37. Мнение Щеглова, подтвердил в маленькой статье некто З. („Действительно-ли Пушкин интересовался Китаем“, „Новое время“ 1900 № 8832 от 28 сентября), сославшийся на упоминание „богдыханов“ в стихотворении „Осень“ и на „Записки“ А. О. Смирновой. См. еще: Ицфолно, Пушкин и Китай. „Новое время“ 1900 № 8845.

градах китайских», сколько знаю, не существует; нужно думать, что это—книга английского архитектора Чемберса «О садах китайских» в русском переводе, вышедшая двумя изданиями (в 1772 г.), из которой выдержка уже была приведена выше. Зачем Пушкину понадобились эти книги спустя полгода после того, как он получил отказ о прикомандировании его к русскому посольству в Китай? Что он искал в них?

«Запертый» в Болдине, осенью 1830 года Пушкин пишет Гончаровой: «Передо мной теперь—географическая карта; я смотрю, как бы дать крюку и приехать к вам через Кяхту или Архангельск»¹ А в XI строфе «Осени» китайские богдыханы упомянуты поэтом среди «знакомцев давних», которых привыкла делаять его мечта.

Стальные рыцари. угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские пари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы.
Испанцы в епанчах, жиды, богатыри...

Это указание дало даже повод Н. И. Черняеву думать, что Пушкин «обдумывал в Болдине какое-то поэтическое произведение, в котором должны были играть роль богдыханы, и что мысль об этом произведении явилась у него задолго до осени 1830 года».² Я не решился бы утверждать этого, но для меня совершенно ясно, что 30-й и ближайший за ним год были порой напряженных дум Пушкина о Китае. Характерна деталь: в вариантах «элегического отрывка» («поедем, я готов») весьма знаменательны колебания Пушкина в выборе эпитета для Китая: в рукописи: «С п о к о й-

¹ Переписка, I, стр. 179.

² Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине, Харьков, 1900, стр. 493—494 Автор цитированной выше заметки в „Новом времени“ № 8832 также считает „вполне основательным заключение, что великий поэт не случайно читал книги о Китае, а интересовался ими, имея серьезные намерения сделать страну богдыханов темой художественного произведения“.

ного Китая»; в «Московском Вестнике» 1830 г., где пьеса впервые увидела свет «недвижного Китая»; этот вариант находит себе соответствие в 40 стихе «Клеветникам России»—«До стен недвижимого Китая»; и тем не менее в издании стих. Пушкина 1832 года эпитет в «Элегическом отрывке» вновь изменен. Там стоит: «К подножию-ль стены далекого Китая».¹ В этих колебаниях программа целого ненаписанного трактата Пушкина о Китае: здесь—та же острая и волнующая проблема Запада и Востока, которую ставил он себе десять лет назад, которая возникла сама собой в спорах его с Чаадаевым и которая им еще не была разрешена. Во втором «Философическом письме» Чаадаева (1829) Пушкин читал: «Из зрелища, представляемого Индией и Китаем, можно почерпнуть важные назидания. Благодаря этим странам мы являемся современниками мира, от которого вокруг нас остается только прах. По их судьбе мы можем узнать, что случилось бы с человечеством без того нового толчка, который был дан ему всемогущею рукою в другом месте. Заметьте, что Китай с незапамятных времен обладал тремя великими орудиями, которые, как говорят, всего более ускорили у нас процесс человеческого ума: компасом, книгопечатанием и порохом. Между тем, к чему они послужили ему? Совершили-ли китайцы кругосветное путешествие, открыли ли они новую часть света? Обладают ли они более обширной литературой, чем какую обладали мы до изобретения книгопечатания? В пагубном искусстве убивать были ли у них, как у нас, свои Фридрихи и Бонапарты?»² Итак, с точки зрения Чаадаева, Восток—неподвижность и застой, Запад—движение и энергия. Куда же стремиться?

К подножию-ль стены далекого Китая.
В кипящий ли Париж, туда-ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец...

¹ А. С. Пушкин. полн. собр. соч. со сводом вариантов, под ред. В. Брюсова т. I, ч. I, м. 1920, стр. 305.

² П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, изд. Гершензона, т. II, стр. 140.

Китай только далек, как гласит последняя редакция отрывка; но вовсе неспокоен и неподвижен, как гласили первоначальные варианты... Вместо качественной оценки дана лишь его территориальная характеристика. «Люди Европы странно ошибаются на наш счет,—пишет Чаадаев в другом месте. Вот, к примеру, Жоффруа сообщает нам, что наше предназначение цивилизовать Азию. Прекрасно, но спросите его пожалуйста: где те народы Азии, которые были цивилизованы нами? Разве что мастодонты и остальное ископаемое население Сибири, насколько мне известно, это единственной род существ, выведенный нами из мрака, да и то благодаря Палласам и Фишерам. Они упорно уступают нам Восток, по какому инстинкту европейской национальности они оттоесняют нас на восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. Нам не следует попадаться на их невольную хитрость, постараемся сами открыть наше будущее».¹

Этот круг идей был близок Пушкину в те же годы, но он шел к иному решению проблемы. В «Дневнике» Пушкина (запись от 30 ноября 1833 года) отмечен разговор с английским поверенным в делах в Петербурге Блаем на балу у Бутурлина: «Долго-ли Вам распространяться (мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным)? Ваше место—Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации» etc.² И. Пушкин все чаще и чаще обращается на Восток: его интересуют калмыцкие степи, Сибирь, Камчатка, Китай... «Китай, конечно, нагнал бы на Пушкина одну хандру,—замечает С. Шашков в статье о нем 1873 г.,—но Европа, по всей вероятности, повлияла бы совершенно иначе».³ Не так посмотрел на дело Н. М. Ядринцев. В письме к Г. Н. Потанину 12 августа 1873 г. он писал: «Недавно вычитал из биографии Пушкина (в «Деле» Се-рафимовича), что Пушкин просился в Китайскую миссию. Автор биографии думает, что для развития Пушкина это, конечно, ничего бы не принесло. Но мне пришли другие мыс-

¹ П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т II, стр. 210.

² Дневник А. С. Пушкина, м. 1923

³ С. Шашков, Пушкин и Лермонтов „Дело“ 1873 № 7.

ли в голову. Наши поэты, как Пушкин и Лермонтов изъездили Крым и Кавказ, природа которых дала им повод много раз вдохновляться. Даже немец Беденштедт и тот под влиянием Кавказа был в объятиях восточной музыки. Но ни один русский поэт не посетил настоящего Востока, Дальнего Востока хочу я сказать... Почему бы тут не вдохновиться самому Пушкину? История Востока, его будущее разве не возвышенная тема и для размышления, неужели все смотреть с точки зрения рутинного либерализма? Ядринцев был прав. Пушкина влекло на Восток не по капризной прихоти воображения... Проблема Востока была для него в то же время и проблемой русской культуры; вот почему в предсмертные минуты он набрасывал, так и не дописанные, страницы по истории Камчатки...

VII

Есть еще один вопрос, на который мне в заключение хотелось бы обратить внимание. В старой пушкинской литературе, как только заходила речь о предполагавшейся поездке Пушкина в Китай, неизменно цитировался отрывок из «Записок» А. О. Смирновой (ч. I, стр. 45): «Я спросила его: неужели для его счастья необходимо видеть фарфоровую башню и великую стену? Что за идея смотреть китайских божков? Он уверил меня, что мечтает об этом с тех пор, как прочел «Китайскую (sic) сироту», в котором нет ничего китайского; ему хотелось бы написать китайскую драму, чтобы досадить тени Вольтера». Источник этот, как известно, уже издавна пользовался дурной славой: недавняя работа Л. Крестовой убедительно разрешила вопрос о подложности этих записок. Пора было бы сдать в архив и эту запись беседы с Пушкиным о Китае, приписанную А. О. Смирновой ее дочерью. Попутно Л. В. Крестова замечает, что источником воображаемых слов Пушкина были «Материалы» П. В. Анненкова, где О. Н. Смирнова «почерпнула

¹ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск. 1918, стр. 64.

данные о желании Пушкина уехать в Китай»,¹ остальное же она дополнила собственным воображением. Характерно, что по наблюдению Н. Александрова «на всем протяжении «Записок» Смирновой Пушкин говорит о Вольтере в духе какого-то личного нерасположения, почти систематически издевается над ним»:² отсюда же, из той же ненависти к французской философии, которую должна была иметь фрейлина двора Николая I, вытекают и слова, приписанные Пушкину, о желании «досадить тени Вольтера», которые едва ли бы он мог произнести даже в конце своей жизни, когда он далеко отошел от юношеского слепого преклонения перед Вольтером. И тем не менее следует признать, что «Китайский сирота» был той вольтеровской драмой, которая, действительно, привлекла к себе очень позднее внимание Пушкина.

В библиотеке Пушкина сохранилась книга французского сиолога С. Жюльена: „Tschao—Chi—kou—eul, ou L'Orphelin de la Chine. Drame en prose et en vers, accompagné des pièces historiques qui en ont fourni le sujet, de nouvelles et de poésies chinoises“ Paris, 1834

Книга эта разрезана на три четверти (352 страницы). Что привлекло в ней Пушкина?

В предисловии (р. VII—VIII) С. Жюльен говорит, что драма, которую он предлагает читателям «озаглавлена по-китайски Tschao-chi-kou-eul-ta-rao-tcheou, т. е. «Маленький сиротка из семьи Чао, блестяще за себя отмщающий». Она заимствована из сорокатомного собрания под заглавием «Jouen-jin-pé-tchong» или «князя из рода Чингисхана, царствовавшего в Китае с 1260 по 1341 год. Эта пьеса уже была в сокращении переведена в 1731 г. аббатом Premare'ом, жившим в Пекине, который в течение тридцати лет изучал там китайский язык. Он сообщил свою рукопись двум своим друзьям—du Velaër et du Brossai,—которые отправля-

¹ А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой. М. 1929, стр. 387.

² Н. Александров, А. О. Смирнова. „Историко-литературный сборник, посвященный Вс. И. Срезневскому“. Лгр, 1924, стр. 310.

лись в Европу. Однако, последние лица, вместо того, чтобы передать ее Фурмону-старшему, отдали ее о. Дюгальду, который и напечатал ее в III томе своего «Описания Китая» (1735). Весь мир знает, что Вольтер заимствовал из этой драмы сюжет своего «Китайского сироты»; но при этом обыкновенно забывают, что перевод о. Премара дает лишь превратное представление о китайском оригинале. В этой драме, как и во всех других пьесах того же собрания, диалог перемешан с большим количеством песенок в стихах, поющих под аккомпанемент музыки, которые зачастую полны возвышенности и пафоса... «Если бы у Вольтера,—продолжает с. Жюльен,—был полный перевод этой китайской драмы, особенно, если бы он имел перед глазами исторические данные, которые мы публикуем вслед за ней, возможно, что он заимствовал бы новые вдохновения в своей лирической части и что он искусно воспользовался бы рассказом Sse-ma-t sien'a». Вслед за предисловием следуют «Pièces historiques sur l'Orphelin de la Chine (они не были разрезаны Пушкиным), а затем и текст самой драмы (р. 1—132).

Известно, впрочем, что перевод Премара дал Вольтеру немного. Тема китайской драмы—преступление и поздняя месть, требование единства времени делало затруднительным использование этого сюжета в классической драме: родившийся в первом акте ребенок, вырастая, отомщает за убитого отца. При этом невольно вспоминается «Гамлет», который не остался без влияния на обработку того же китайского сюжета у Метастазии («Егое cinese»). Знакомясь с подлинной китайской драмой, Пушкин должен был заметить значительные отступления, которые позволил себе Вольтер, и, с другой стороны, близость ее сюжета ко многим произведениям мировой литературы¹: семья истреблена до последнего человека, лишь один сын спасен верным вассалом, который для этого чаще всего жертвует собственным

¹ См. Zenker, *Bocve-Amlethus, liter:istor Forschvngen*, hrsg. v. Schick u. Waldberg, Bd. 33; L. Jordan, *Voltaire's Orphelin de la Chine in drei Acten*, Dresden 1913, S. 80—81.

сыном. Спасенный мальчик вырастает и отомщает за обиду, нанесенную его роду. Пушкин тем охотнее мог заинтересоваться этим сюжетом, что он открывает некоторую аналогию истории Дм. Самозванца.^х

Можно думать, что книга С. Жюльена не случайно попала в библиотеку Пушкина. Вероятно, он прочел и приложенную к этой китайской драме небольшую ^{по}аналогию китайской лирики. Никаких отзывов об этой книге в рукописях Пушкина не сохранилось. Не следует ли, однако, думать, что к каким-то разговорам Пушкина о подлинном «Китайском сироте», удержанным в какой-либо до нас недошедшей записи А. О. Смирновой относится фальсифицированный ее дочерью рассказ о замысле Пушкина написать «китайскую драму», чтобы «досадить тени Вольтера»? Вольтеровский «Китайский сирота», отозвавшийся у Пушкина и в «Борисе Годунове» и в «Евгении Онегине» (ср. слова Идаме Чингисхану в 4-й сцене IV акта с последними словами Татьяны к Онегину) должен был вызвать его серьезное любопытство к китайской драме, изданной С. Жюльеном. Китайской литературой начинала интересовываться и русская литература. Разговоры Пушкина на эту тему (даже в отсутствие Иакинфа) могли запомниться и в высшем свете.

Однако, О. Н. Смирнова, развивая диалог своей матери с Пушкиным о Китае, не поняла, что в 30-х годах Пушкин давно преодолел «китайщину» своей юности; в Китай он поехал бы не затем, чтобы смотреть фарфоровые башни и китайские безделушки. От пряной экзотики XVIII века он поднялся тогда до подлинного постижения Востока, преодолел уже то понимание его, которое шло к нему из западной литературы.

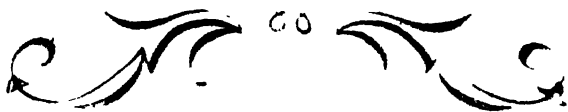
Через сто лет Китай ответил Пушкину пробудившимся интересом к его творчеству. «В Китае XIX века, — как замечает авторитетный синолог, — мало знали русскую литературу. Переводы с русского шли в последнюю очередь, и до

Ак. В. М. Алексеев, Русские писатели в китайских переводах, «Восток», кн. I, № 1, 1922, стр. 75.

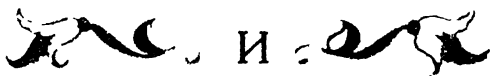
позднейшего времени едва ли даже существовали, или если делались, то не с оригинала, а с английских переводов». Неожиданный перелом наступил в XX веке. В 1920 г. в журнале «Новый Китай» (Синь-Чжун-Го) было объявлено о выходе в свет сборника переводов ряда произведений русских писателей, начиная от Пушкина или Пу-си-цзинь, как это имя звучит по пекинскому произношению. В переводе Шэнь-Ина вышли «Станционный смотритель» и «Снег-сват», в котором нетрудно узнать «Метель».¹

¹ Ақ. В. М. Алексеев. Русские писатели в китайских переводах „Восток“, кн. I, н. 1922, стр. 75.

А. С. ПУШКИН

СИБИРЬ

МОСКВА 1937 ИРКУТСК
ВОСТСИБОБЛГИЗ